

УДК 821.161.1 (Лермонтов М. Ю.)

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-104-113

РОЛЬ ЧИСЛОВОЙ СЕМАНТИКИ В НЕОКОНЧЕННЫХ ПОВЕСТЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...» И «ШТОСС»

Озеркин С. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определение художественной функций числовой символики в нероманной прозе М. Ю. Лермонтова: «Я хочу рассказать вам...» и «Штосс».

Процедура и методы. Процедура исследования предполагает выделение из текста произведений случаев употребления числового дискурса, выполнение классификации выявленных примеров исходя из пяти основных категорий использования данного типа обозначений (время, расстояние, возраст, количество, неопределённость), определение семантической и символической функции представленных чисел в зависимости от контекста и значимости в раскрытии художественного мира. Ключевыми стали сравнительно-сопоставительный и герменевтический методы с последующим контекстуальным анализом, а также нахождение возможных метатекстуальных элементов, связанных с предшествующим творчеству Лермонтова культурным наследием.

Результаты. Определена ведущая роль числовой семантики в раскрытии символистической наполненности неоконченных повестей М. Ю. Лермонтова. Обоснована актуальность и новизна подобного рода исследований ввиду недостаточной изученности указанного явления и полного отсутствия комплексных анализов числовой символики в творчестве автора и её назначения.

Теоретическая и/или значимость работы состоит в возможном применении результатов анализа для более глубокого понимания литературных произведений.

Ключевые слова: Бальзак, Лермонтов, мотив, символика, число, «Штосс», «Я хочу рассказать вам...»

THE ROLE OF NUMERICAL SEMANTICS IN M. YU. LERMONTOV'S UNFINISHED NOVELS "I WANT TO TELL YOU..." AND "STOSS"

S. Ozerkin

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the artistic functions of numerical symbolism in the non-romantic prose of M. Yu. Lermontov "I want to tell you..." and "Stoss".

Methodology. The research procedure involves the selection of cases of numerical discourse from the text of the works, the classification of the identified examples based on the five main categories of the use of this type of symbols (time, distance, age, quantity, uncertainty), the determination of the semantic and symbolic function of the presented numbers depending on the context and significance in the disclosure of the artistic world. The key methods were comparative and hermeneutical methods followed by contextual analysis, as well as finding possible metatextual elements related to the cultural heritage preceding Lermontov's work.

Results. The leading role of numerical semantics in revealing the symbolistic content of M. Yu. Lermontov's unfinished novels is determined. The relevance and novelty of this kind of research

is substantiated in view of the insufficient study of this phenomenon and the complete absence of complex analyses of numerical symbolism in the author's works and its purpose.

Research implications. The results of the analysis may be further applied for a deeper understanding of literary works.

Keywords: Balzac, Lermontov, motive, symbolism, number, “Stoss”, “I want to tell you...”

Введение

Начиная с древних текстов числовая символика в контексте произведений литературы играла большую роль. Авторы стремились при помощи данного типа обозначений придать своим произведениям более глубокий смысл. Данное положение применимо и к более поздней литературе. Так, числовые обозначения в произведениях Лермонтова не носят произвольный характер. Указанный параметр для подобного исследования является основополагающим, т. к. без признания презумпции осмысленности каждой детали невозможно говорить о целостности художественного мира каждого текста. Богатейшим источником глубокого использования числового дискурса выступает проза Лермонтова. Система числовых обозначений в произведениях данного жанра выступает как средство создания художественного мира Лермонтова в основных аспектах (хронотопическом, описательном, сюжетном, идейном, смысловом). Иными словами, в прозе Лермонтова наиболее целостно раскрывает себя взаимосвязь пяти основных категорий употребления чисел у Лермонтова, выводимых из контекста произведений и связанных с номинативными функциями самих обозначений: время, расстояние, возраст, количество, неопределённость. В контексте данной работы остановимся на рассмотрении неоконченных повестей автора: «Я хочу рассказать вам...» и «Штосс».

Отображение описательного, автобиографического и метатекстуального контекстов чисел в «Я хочу рассказать вам...»

Несмотря на то, что большинство произведений Лермонтова остались неоконченными, в отличие от

остальных, повесть «Я хочу рассказать вам...» выделяется из числа прочих своей недосказанностью, что в современных научных трудах связывается со стилевым автобиографизмом, присущим, помимо данного произведения, также и «Княгине Лиговской». Основной акцент в повести стоит на описании обстоятельств жизни и переживаний, пусть и художественно осмысленных, однако применимых лишь к частному человеку [4, с. 6]. Данное произведение традиционно относится к 1836 г. и определяется исследователями как «замысел промежуточный между “Вадимом” и “Княгиней Лиговской”» [8, с. 494], однако последнее предположение не является доказанным фактом. Малое количество использования числовых обозначений также не даёт возможности с уверенностью отнести это произведение к конкретным временным рамкам, исходя из прослеживаемой эволюции от текста к тексту традиции придания дополнительных смыслов. Однако это не отменяет того факта, что числа в «Я хочу рассказать вам...» не лишены глубоких значений.

Говоря о произведении в контексте смысловой символики, следует отметить эпизод, насыщенный числом 2 в количественном категориальном значении: «...по воскресеньям дворян толпилась вокруг них, и порой две горничные садились на полусгнившую доску, висящую меж двух сомнительных верёвок, и двое из самых любезных лакеев, взявшись каждый за конец толстого каната, взбрасывали скромную чету под облака».¹ Можно предположить, что благодаря частому употреблению указанного обозначения автором рушится

¹ Лермонтов М. Ю. Я хочу рассказать Вам // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 192.

мнимое ощущение «идеальности» описываемого места и времени. Согласно работе В. Н. Топорова «О числовых моделях в архаических текстах» [9, с. 3], в древности число 2 относили к ряду несчастливых, предвещающих неудачу или даже смерть. В более поздних трактовках оно также являлось предвестником греха. Оба варианта напрямую соотносятся с дальнейшим текстом произведения: так, мотивы тленности начинают проследиваться уже в самом отрывке. Достигается это благодаря использованию негативно с точки зрения коннотации окрашенных эпитетов, таких, как «полусгнивший» и «сомнительный» [9, с. 15]. Позже появляется ещё один негативный атрибут – в воспоминаниях француза говорится о восприятии иностранцами качелей перед барским домом как виселицы: «в путевых записках одного француза я недавно читал, что у нас против господского дома обыкновенно торчит виселица».¹ Таким образом, в тексте возникает устойчивая негативная коннотация, связанная с числом 2. Кроме того, идея воплощения греха также находит отражение в рассказе о юном Александре Арбенине, в котором уже в малом возрасте «склонность к разрушению развивалась ... необыкновенно».² Тяга героя к деструктивному типу отношения с миром развивается из-за потери им матери в юном возрасте. Этот сюжет у Лермонтова автобиографичен и встречается во множестве других произведений автора. Утрата близкого человека на раннем этапе жизни обуславливает маргинализацию судеб героев, в том числе и Александра Арбенина: «ранняя смерть матери и, как следствие, отсутствие родительской ласки и любви ведёт к формированию в Арбенине жестокости и моральной распушенности» [11, с. 3]. Своеобразным наказанием за это становится его последующее заболевание, тем самым число 2 выполняет роль предвестия неудачи.

¹ Лермонтов М. Ю. Я хочу рассказать Вам // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 192.

² Там же. С. 193.

В контексте описания болезни Саши необходимо также обратить внимание на число 3, которое в данном произведении обозначает время страданий и последующего выздоровления: «Целые три года оставался он в самом жалком положении».³ Так, оно принимает антонимичные по отношению к числу 2 положительные характеристики, проявляясь в христианской трактовке, которая приписывает ему значение божественного знака, символа искупления, духовного очищения. Дополнительной деталью, подчёркивающей дальнейшие перспективы развития мысли в указанном направлении, является первая характеристика Александра Арбенина Лермонтовым, когда он описывает его уже как взрослого человека. Так, применительно к персонажу автор использует уничижительное слово «чудак», которое можно интерпретировать как придание персонажу черт христианского юродства, что позволяет проследить эволюцию персонажа в духовном отношении.

Библейскую мотивировку также можно проследить в описании возраста молодого Арбенина, где последовательно употребляются числа 6 и 7: «Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уж волновало ему душу...»⁴, «Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея».⁵ Первый называемый возраст можно соотнести с ветхозаветным сюжетом о шестидневном творении Богом мира. В данном контексте это показывает, с одной стороны, полное становление чувственной картины мира Саши, а с другой – его чистоту. Поэтому дальнейшее название семилетнего возраста показывает разрушение, «очеловечивание» души ребёнка, что отражается благодаря смене тональности отрывков с субъективного описания окружающего мира на объективную оценку высокомерного поведения Александра. Высказанное положение проявляется также в изменении формы взаимодействия юного Арбенина с окружающей реально-

³ Там же. .

⁴ Там же.

⁵ Там же.

стью: спокойное мирозерцание, вызывающее «сладостное чувство», сменяется активной и хаотичной деструктивной деятельностью: «В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие <цветы>, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу».¹ Возможное объяснение такого поведения предлагает М. А. Горбунова: «Мальчик разрушает идеальные картины статичного пейзажа. “Преизбалованный” ребёнок не ощутил любви отца, его не научили восхищаться окружающим миром, поэтому он уничтожает его» [2, с. 579]. Таким образом, смена парадигмы отношений с окружающим миром у Александра и эволюция его внутреннего самоощущения передаётся в том числе при помощи пейзажных элементов.

Выделение фигуры повествователя из числа персонажей выражается благодаря его хронологической отдалённости от описываемых событий сроком в 10 лет: «В нашем равнодушном веке любопытных и страстных людей немного; но около 10 лет тому назад случился один такой чудак в Петербурге, и судьба, как нарочно, поставила его перед непонятной женщиной, которой историю я хочу вам рассказать».² Благодаря этой дистанции подчёркивается, с одной стороны, отрешённость персонализированного рассказчика, показывается перспектива его видения истории. С другой стороны, такой приём позволяет дать комментарий относительно отсутствия некоторых деталей, которое оправдывается тем, что за такой промежуток времени многие части истории могли быть утрачены из памяти.

В данном произведении важную смыслообразующую роль играют числовые обозначения, которые относятся к называнию женского возраста. Таким образом автор может имплицитно выражать не-

зрелость, в котором юная девушка пусть и начинает осознавать собственные чувства, однако ещё недостаточно опытна для верного восприятия сложных моральных вопросов, которые подразумеваются в повествовании: «Подробности моего рассказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вам, что в нём будет заключаться глубокий, нравственный смысл, который не ускользнёт ни от кого, разве от 18-летних барышень...».³

Однако самым важным фабульным обозначением в повести должен был стать тридцатилетний возраст. Замысел Лермонтова рассказать историю светской женщины, которая «сошла со сцены большого света»⁴ и в тридцать лет «схоронила себя в деревне»⁵, по-видимому, возник не без влияния Балзака. Необычайно популярные в эти годы «Физиология брака» и «Тридцатилетняя женщина» были посвящены положению женщины в светском обществе. Эта тема привлекала Лермонтова ранее в пьесе «Маскарад» (образ баронессы Штраль) и должна была стать центральной в данной повести. Однако даже в этом отрывке тема раскрывается комплексно. Она рассматривается одновременно с двух перспектив, сравнивается с более юным женским возрастом (20 лет) и таким же у мужчин. В первом случае сопоставление выражено напрямую, показывая востребованность молодости в светском обществе. Тридцатилетний возраст тут символизирует время увядания женской красоты и роли в высоком кругу: «Теперь она уже сошла со сцены большого света; ей 30 лет, и она схоронила себя в деревне; но когда ей было только двадцать, весь Петербург шумно занимался ею в продолжение целой зимы».⁶ На контрасте с этим аналогичное время в жизни мужчины показано как благоприятное: «Александр Сергеевичу Арбенину было тридцать лет – возраст силы и зрелости для мужчины...».⁷

¹ Лермонтов М. Ю. Я хочу рассказать Вам // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 193.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Лермонтов М. Ю. Я хочу рассказать Вам //

Последний отрывок, в свою очередь, также имеет антонимичную пару с другим возрастом, который выражает начало заката, выраженным при помощи числа 50: «Притом муж её, пятидесятилетний мужчина, имел графский титул и сомнительно-огромное состоянье».¹

**Числовая символика
как способ раскрытия двоемира
художественного пространства
в повести «Штосс»**

На примере предыдущих разобранных произведений автора прослеживается постоянное углубление в использовании числовых обозначений, показывающее их возрастающую значимость для построения художественного мира текста. Своеобразного апогея данное направление достигает в последнем прозаическом произведении автора – неоконченной повести «Штосс». Данный текст, вновь отсылающий к творчеству Бальзака, имеет важное структурное числовое обозначение, которое отображает сложное построение повествования, его глубокое, нелинейное представление автором. В данном контексте речь идёт о числе 2. Оно также становится значимым в повести Бальзака «Шагреневая кожа», послужившей творческим ориентиром для Лермонтова при создании его произведения, образуя двойственность художественного мира текста, сталкивая реальный мир с элементами инобытия, образуя мистический сюжет в повседневной жизненной ситуации. Та же символично-фантастическая структура отражается и в повести Лермонтова, что отмечается также современными исследователями его творчества, например, И. С. Юхновой: «именно в “Штоссе” иной мир заявляет о себе не как вымышленный, условный, а как реальный, а в самом произведении отчётливо обозначены “зоны контакта” двух миров – то пограничье, в котором возможна комму-

никация с “параллельной” реальностью» [10, с. 280].

Однако полностью отождествлять подходы к изображению подобного сюжета нельзя. В работе Э. Э. Найдича содержится следующее противопоставление двух авторов: «В поэтике Лермонтова, воспринявшего “фантастику нового времени”, было не только сходство, но и существенное различие с методом Бальзака. Бальзак подтверждает и развёртывает свою символично-фантастическую формулу на огромном жизненном материале; реальный план занимает в его романе немалое место. У Лермонтова символично-фантастическая ситуация не только лежит в основе повести, но и сама составляет её главный сюжет. И этот сюжет построен так, что при его развёртывании угадывается жизненный смысл, стоящий за фантастическими образами. Бытовые, реальные описания в „Штоссе” направлены на то, чтобы фантастический план, составляющий основу повести, воспринимался как иносказание, отражающее определённую жизненную проблему» [5, с. 197]. Однако данное наблюдение не отменяет высказанного предположения о наблюдаемом тождестве структур художественных миров произведений, оно лишь показывает иной авторский взгляд на поставленную задачу.

Преимуществом от Бальзака приёмом также представляется и выражение двойственности окружающего мира. На имплицитном уровне это можно наблюдать в структуре диалогов, представленных во второй части повести. Своеобразие разговоров Лугина с другими людьми в попытках найти загадочный адрес, который он слышит в своей голове, был отмечен А. Поштой в статье «Хаос фрагментов, фрагменты хаоса. Последнее прозаическое произведение М. Ю. Лермонтова “Штосс”»: «диалоги неоднократно повторяются с незначительными измерениями, задерживая нахождение загадочного адреса... Здесь, в основном, Лугин задаёт вопросы, которые остаются без ответа: кучер уезжает без ответа, а дворник постоянно переспрашивает или просто повторяет услышанное, не

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 191.

¹ Там же. С. 190.

добавляя новой информации. Постоянное повторение элементов кажется отражением» [7, с. 72]. Таким образом, в последнем прозаическом произведении Лермонтова функция лексических повторов состоит не в обозначении удвоения, а исключительно в акцентировании на отображении.

Что касается эксплицитного выражения указанного явления, как у Бальзака, так и у Лермонтова число 2 не связано с определённым категориальным значением, являясь универсальным, выполняющим особую роль в повествованиях. Явное обилие конкретного числа является прямым отражением сопряжения в тексте двух миров: с одной стороны, материального, с другой, реальности «ничто». Приближение героев ко второму проявляется в «предельном самоустраняющемся одиночестве» [6, с. 139], к которому приходят как Рафаэль, так и Лугин.

Идея двойственности в «Штоссе» подчёркивается, как уже было сказано выше, в том числе эксплицитно с указанием количества: «...вот уже две недели, как все люди мне кажутся жёлтыми...»¹, «И вот он сел у стола против Лугина, вынул из-за пазухи две колоды карт, положил одну против Лугина, другую перед собой, и улыбнулся»², «Лугин, остолбеневший совершенно под магнетическим влиянием его серых глаз, уже бросил было на стол два полуимперала, как вдруг он опомнился»³, «Он скоро возвратился и повёл Лугина во второй этаж по широкой, но довольно грязной лестнице»⁴ и проч. Что касается текста Лермонтова, важность числа 2 также подчёркивает его удельное количество употребления в повести, во много раз превышающее случаи использования других обозначений. Такой явный акцент также закликает художественный мир на конкретном числе, показывая на одном уровне помешательство Лугина, на другом отражая

названную двойственность повествования, его соотнесённость с категориями как физическими, так и метафизическими. На основе всего вышесказанного можно сделать вывод не только на очевидной связи двух авторов в тематическом и художественном контексте, но и позволяет самим писателям составлять сложную структуру произведений, комплексно проявляя различные приёмы выражения конкретной идеи.

Как уже было сказано, количество остальных обозначений по сравнению с числом 2 невелико, однако это не отрицает важности их удельных мотивировок. Прежде всего, стоит сказать, что в данной повести также присутствует практически полная структурная парадигма категорий (за исключением расстояния), однако данная характеристика не имеет большого значения в произведении. Подобные примеры широкого употребления присущи последним произведениям автора, показывая его зрелость.

Что касается конкретных чисел, они в повести выражены малым количеством. Так, число 3 представлено всего в двух примерах. Один из них выступает в категории неопределённости, второй обозначает время: «...в числе гостей мелька (ло) несколько литераторов и учёных; две или три модные красавицы...»⁵, «он три года лечился в Италии от ипохондрии...»⁶. Если в первом примере смысл указанного количества нивелируется, то во втором можно говорить об обозначении срока болезни и лечения. Такой период времени в данном контексте уже выступал в повести «Я хочу рассказать вам...», и такая же мотивировка его использования в точности повторяется в разбираемом тексте.

Число 4 упоминается в тексте единожды и служит для обозначения количества комнат в приобретённом Лугиным номере: «Квартира состояла из четырёх комнат и кухни».⁷ Такое использование, исходя из контекста дальнейшего повествования произведения, может обозначать грядущую

¹ Лермонтов М. Ю. Штосс // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 353.

² Там же. С. 363.

³ Там же. С. 364.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 352.

⁶ Там же. С. 354.

⁷ Там же. С. 359.

щую несвободу героя, его замкнутость в помещении, которое не позволяет себя покинуть.

В контексте времени окончательного переезда Лугина в роковую квартиру используется число 9: «в 9 часов самые нужные вещи были перевезены из гостиницы, где жил до сей поры Лугин».¹ В мифологическом представлении древних славян оно характеризовалось как время исполнения магического ритуала.² Такую параллель также возможно провести с сюжетом произведения, ведь вскоре после данного эпизода следует первая встреча Лугина с призраками: загадочным стариком с увиденного героем ранее портрета, а также девушкой, которая наиболее приближена к значимому в творчестве Лермонтова образу ангельского существа [1, с. 300].

Дважды в тексте упоминается сумма объектов, равная 10: «Около десятка доморожденных львов красовалось в дверях второй гостиной и у камина»³, «...он повернул направо и увидел небольшой грязный переулок, в котором с каждой стороны было не больше 10 высоких домов».⁴ Примечательно, что оба эпизода, работающие на придание тексту жизнеподобия благодаря детальной составляющей, характеризуются скрытой категорией неопределённости. Тем самым символично выражается субъективность повествования, неустойчивость психики главного героя и неуверенность в фактах описываемых событий.

Единожды в тексте упоминается полночь: «До двенадцати часов он с своим старым камердинером Никитой расставлял вещи...»⁵ В последующих эпизодах данный момент времени выражается исключительно словом

«полночь», что может служить показателем неисчислимости времени для героя при последующих встречах с потусторонними силами, которые посещают его именно в этот час. С другой стороны, данный мотив можно также трактовать в связи с христианскими текстами. В них полночь показывает образы спокойной, неослабной преданности. Так, в Псалтыре присутствует сюжет, повествующий о псалмопевце, который каждую ночь в определённое время нарушал свой сон для службы Богу. Кроме того, в «Деяниях святых апостолов» полночь выступает как время исполнения самых настоятельных желаний.⁶ Обе возможные трактовки прямо перекликаются с сюжетом повести.

Важной деталью произведения Лермонтова является номер квартиры, в которой происходит основное фантастическое действие, 27: «...вот и теперь слышу: в Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира номер 27»⁷, «кто живёт в 27 номере?»⁸, «В 27 номере? да кому там жить!»⁹ В тексте он употребляется преимущественно в начале повествования, до тех пор, пока герой не оказывается внутри помещения. Чтобы понять, с какой целью автор приводит именно такое число, следует обратиться к статье О. Ф. Жолобова «Об одном балтско-славянском архаизме: “3 × 9”», в которой ему соответствует обозначение «тридевятъ». В доказательство этому автором приводится следующий пример из древнерусской летописи: «В поморье Кемского уезда, перед возвращением промышленников с Мурманского берега домой, бабы селением отправляются к морю молить ветер, чтобы не серчал и давал бы льготу дорогим летникам... На следующую ночь, после богомолья, все выходят на берег своей деревенской реки ... и стараются припомнить и сосчи-

¹ Лермонтов М. Ю. Штосс // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 360.

² Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. С. 214.

³ Лермонтов М. Ю. Штосс // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 352.

⁴ Там же. С. 356.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов. Переводчики: Скороходов Б. А., Рыбаков О. А. Издательство: СПб: Библия для всех, 2005, с. 808.

⁷ Лермонтов М. Ю. Штосс // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 355.

⁸ Там же. С. 358.

⁹ Там же.

тать ровно двадцать семь 3×9 плешивых из знакомых своих в одной волости и даже в деревне, если только есть возможность к тому. Вспоминая имя плешивого, делают рубеж на лучинке углём или ножом; произнеся имя последнего, 27-го, нарезавают уже крест. С этими лучинами всё женское население деревни выходит на задворки и выкрикивает сколь возможно громко. “Восток, да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! Тридевять плешей все сосчитанные, пересчитанные; востокова плешь наперёд пошла” [3, с. 157]. Таким образом, использованием этого обозначения автором вводится сказочный мотив «тридевятого царства», к которому стремится Лугин, некоего загадочного места. Этим также обосновывается упоминание номера квартиры исключительно в первой половине повести – после своего непосредственного появления числовое обозначение, связанное с ней, теряет свою актуальность, т. к. она уже достигнута героем. Сходство со сказочным образом тридевятого царства также придаёт троекратное повторение данного обозначения: именно столько раз в тексте упоминается номер до своего фактического появления.

Сорокалетним возрастом характеризуется человек на портрете, который видит Лугин в квартире 27: «В эту минуту он заметил на стене последней комнаты поясной портрет, изображавший человека лет сорока в бухарском халате...»¹ Помимо прямого значения он также может символизировать пограничное состояние между двумя мирами у призрака, который когда-то и был человеком с картины.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что использование в художественных произведениях числовых обозначений может способствовать выражению неявных смыслов, т. е. созданию эффекта, при котором в произведениях возникает феномен многослойности художественной семантики текста. Так, благодаря применению числовых обозначений, автор способен имплицировать определённые намерения, связанные с наполнением реалистического бытописания дополнительными символическими значениями. Произведения Лермонтова, предоставляющие обширный материал для исследования числовой символики, являются примером высказанного положения. При рассмотрении неоконченных повестей автора невозможно не прийти к заключению, что подобные обозначения в текстах исполняют не только номинативную функцию, что находит своё отражение в распределении массива представленных примеров на категории, но также и способствуют углублению художественного мира, подытоживая заложенные автором мотивы и более целостно раскрывая персонажей.

Предложенная методика исследования намечает перспективу изучения повествовательных приёмов в прозе Лермонтова и является попыткой по-новому взглянуть на уже изученные тексты.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугорская В. В. Образы ангелов в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. № 2. С. 296–302.
2. Горбунова М. А., Проваторова О. Н. Функции пейзажных описаний в прозе М. Ю. Лермонтова // Филологические чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 18–19 ноября 2021 г. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2022. С. 576–581.
3. Жолобов О. Ф. Об одном балто-славянском архаизме: ‘3 × 9’ // Studia Mythologica Slavica. Banka Slovenije. 2002. Т. VII. Р. 155–171.
4. Москвин Г. В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] // Litera. 2024. № 8. URL: https://e-notabene.ru/fil/article_71312.html (дата обращения: 20.04.2024).

¹ Лермонтов М. Ю. Штосс // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза. Письма; Летопись жизни и творчества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 359.

5. Найдич Э. Э. Ещё раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 194–212.
6. Неретина С. С. «Земля гудит метафорой». Философия и литература. М.: Голос, 2022. 606 с.
7. Пошта А. Хаос фрагментов, фрагменты хаоса. Последнее прозаическое произведение М. Ю. Лермонтова «Штосс» [Электронный ресурс] // Slavica. 2021. Vol. 50. URL: <https://doi.org/10.31034/050.2021.08> (дата обращения: 20.04.2024).
8. Томашевский Б. В. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 469–516.
9. Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 3–58.
10. Юхнова И. С. Иррациональное и мистическое в творчестве М. Ю. Лермонтова (проблема разграничения) // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 275–282.
11. Юхнова И. С. Похоронный обряд в структуре произведений М. Ю. Лермонтова // Филология: научные исследования. 2022. № 5. URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_37899.html (дата обращения: 20.04.2024).

REFERENCES

1. Bugorskaya V. V. [Images of Angels in the Works of M. Yu. Lermontov]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2020, vol. 30, no. 2, pp. 296–302.
2. Gorbunova M. A., Provatorova O. N. [Functions of Landscape Descriptions in the Prose of M. Yu. Lermontov]. In: *Filologicheskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Orenburg, 18–19 noyabrya 2021 g.* [Philological Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Orenburg, November 18–19, 2021]. Orenburg, Orenburg State University Publ., 2022, pp. 576–581.
3. Zholobov O. F. [On One Balto-Slavic Archaism: ‘3 × 9’]. In: *Studia Mythologica Slavica. Banka Slovenije*, 2002, vol. VII, pp. 155–171.
4. Moskvina G. V. [On the Beginning of M. Yu. Lermontov’s Existential Prose]. In: *Litera*, 2024, no. 8. Available at: https://e-notabene.ru/fil/article_71312.html (accessed: 20.04.2024).
5. Naidich E. E. [Once Again about “Shtoss”]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontovsky Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 194–212.
6. Neretina S. S. “Zemlya gudit metaforoj”. *Filosofiya i literatura* [“The Earth Hums with Metaphor”. Philosophy and Literature]. Moscow, Golos Publ., 2022. 606 p.
7. Poshta A. [Chaos of Fragments, Fragments of Chaos. The Last Prose Work of M. Yu. Lermontov “Shtoss”]. In: *Slavica*, 2021 vol. 50. Available at: <https://doi.org/10.31034/050.2021.08> (accessed: 20.04.2024).
8. Tomashevsky B. V. [Lermontov’s Prose and the Western European Literary Tradition]. In: *M. Yu. Lermontov. Kn. 1* [M. Yu. Lermontov. Bk. 1]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, pp. 469–516.
9. Toporov V. N. [On Numerical Models in Archaic Texts]. In: *Struktura teksta* [Text Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 3–58.
10. Yuhnova I. S. [Irrational and mystical in the works of M. Yu. Lermontov (the problem of distinction)]. In: *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v hudozhestvennom prostranstve XIX–XXI vv.* [Paradigms of transition and images of the fantasy world in the artistic space of the 19th – 21st centuries]. Nizhnij Novgorod, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 2019, pp. 275–282.
11. Yuhnova I. S. [Funeral rite in the structure of the works of M. Yu. Lermontov]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific research], 2022, no. 5. Available at: https://e-notabene.ru/fmag/article_37899.html (accessed: 20.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Озеркин Сергей Андреевич – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: osa-thebest@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Ozerkin – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: osa-thebest@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Озеркин С. А. Роль числовой семантики в неоконченных повестях М. Ю. Лермонтова «Я хочу рассказать вам...» и «Штосс» // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 104–113.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-104-113

FOR CITATION

Ozerkin S. A. The Role of Numerical Semantics in M. Yu. Lermontov's Unfinished Novels "I Want to Tell You..." and "Stoss". In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 5, pp. 104–113.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-104-113